

Жизнь и необычайные приключения писателя Войновича

(рассказанные им самим)

Глава сорок восьмая

Комсомольцы, беспокойные сердца

Все на борьбу за миллиард!

В конце второго семестра нам, студентам МОПИ, объявили, что летние каникулы будут у нас трудовые. Нас отправят на целину бороться за казахстанский миллиард. Имелся в виду миллиард пудов зерна, который Казахстан якобы обещал засыпать в «закрома родины». Казахстан якобы обещал, а засыпать зерно в закрома должны были не якобы, а настоящие студенты со всего Советского Союза. Поездка формально считалась добровольной. По словам песни: «Партия сказала, комсомол ответил: «Есть!» Если верить тогдашним газетам, вся советская молодежь, а студенты в первую очередь, с комсомольскими путевками просто рвались на целину из романтических побуждений и страстного желания помочь Родине. На самом деле большинство куда не рвалось, а вынуждено было ехать; уклонявшимся грозили разные наказания и прежде всего исключение из института с немедленным забритием в солдаты (последнее меня, впрочем, не касалось). Настроившиеся на то, чтобы увильнуть от борьбы за миллиард, раздобывали медицинские справки или ссылались на какие-нибудь особые жизненные обстоятельства. У меня реальным обстоятельством была беременная жена, и я рассчитывал во время каникул остаться в Москве и каким-нибудь образом заработать денег.

На нашем курсе, кроме меня, отслуживших свой срок в армии было человека два-три, и среди них некто Обьедков. Однажды, сидя вместе с Обьедковым в читальном зале, я сказал ему, что ехать на целину мне никак не хочется, и объяснил это вышеизложенным реальным обстоятельством. Кроме того, я обругал советскую пропаганду и умеренно всю советскую власть. Советская власть, сказал я Обьедкову, создала бездарную колхозную систему, неспособную прокормить собственную страну. И теперь вот, развивая свою мысль, они пытаются исправить положение прибавлением к рабскому труду колхозников рабского бесплатного труда студентов. Но эффект, уверял я Обьедкова, будет все равно мизерный, потому что еще Маркс говорил, что рабский труд не может быть эффективным.

Обьедков внимательно слушал, сочувственно кивал головой, а на ближайшем комсомольском собрании попросил слова, вышел, ознакомил собравшихся с моими незрелыми мыслями (с добавлениями от себя) и сказал, что таким, как я, не место в комсомоле и институте. Зал замер, но тут же выступила какая-то неизвестная мне студентка. Она, не обсуждая моих незрелых мыслей, высказала свою незрелую мысль, что таким стукачам, как Обьедков, не место среди нормальных не только студентов, но и просто людей, таким негодяям надо плевать в рожу и не подавать руки. Ее поддержала другая студентка. Поднялся невероятный гвалт. Студенты один за другим говорили, что Обьедков подлец, но тут же по предложению сидевшего в президиуме секретаря парткома подавляющим большинством голосов избрали Обьедкова секретарем факультетского комитета комсомола. Меня при этом оставили в покое, может быть, потому, что я все-таки согласился ехать на целину.

Согласился, кроме всего, в расчете на то, что там наберу материала для чего-нибудь вроде рассказа, повести или романа.

В поисках сюжетов и героев

Тогда, летом 58-го, я чувствовал, что должен написать рассказ или повесть, чтоб это было, с одной стороны, хорошо, а с другой

ГЕННАДИЙ НОВИКОВ

стороны, «проходимо», насчет чего у меня возникали уже некоторые опасения. Мои взгляды тогда были не очень сформированы и мне самому непонятны. Они ни в коем случае не были антисоветскими, но и советскими их назвать можно было только с натяжкой. А ведь советская власть требовала безусловной любви к себе от всех людей и от писателей больше чем от кого бы то ни было. Всякое литературное сочинение должно было соответствовать основным требованиям социалистического реализма, который по официальной формулировке подразумевал правдивое, исторически конкретное изображение жизни в ее революционном развитии, а по неофициальной – воспевание вышестоящего начальства в доступной ему форме. Можно было сколько угодно держать фигу в кармане, но все равно главных рецептов было не избежать. В центре должен быть «правильный», положительный герой, русский, желательно рабочий, комсомолец или коммунист, который хорошо воюет или работает, борется с бюрократизмом, казенщиной, равнодушием и другими «отдельными недостатками» и «пережитками прошлого в сознании людей» и в конце концов побеждает. Чтобы такое сочинение достигло не только печатного станка, но и внимания читателя, желательно было стандартного советского героя наделить какими-то индивидуальными человеческими чертами, делавшими его не совсем «правильным». Тут честолюбивому литератору, особенно начинающему, нужно было балансировать между тем, что можно сказать, и тем, что хочется. А как достичь такого баланса?

Я внимательно следил за тем, что пишут молодые, уже напечатавшиеся и обратившие на себя внимание. Самым заметным из молодых был тогда Анатолий Кузнецов, будущий невозвращенец. Его повесть «Продолжение легенды» огромными тиражами вышла сначала в журнале «Юность», потом в «Роман-газете». Критики считали ее образцом «исповедальной прозы». Я читал и думал: вот как надо писать! Просто, достоверно и – «проходимо». Но о чем я могу написать? Тогда мне не казалось, что моя прошлая жизнь может быть источником каких-то сюжетов. И я решил поехать все-таки в Казахстан и набраться там новых впечатлений.

Черная пропаганда

На каком-то этапе мы узнали, что из студентов нашего института будет составлен отряд, который разобьет на бригады и распределяет по разным колхозам. Начальницей отряда была назначена женщина лет пятидесяти, кандидат сельскохозяйственных наук, взятая почему-то из Тимирязевской академии, – своих, что ли, таких не хватало? А скорее всего, числилась она не только в Тимирязевке, но и на Лубянке. Она ходила во всем черном и сама была вся

Начальницей целинного студенческого отряда была назначена женщина, взятая почему-то из Тимирязевской академии. Скорее всего, числилась она не только в Тимирязевке, но и на Лубянке. Студенты прозвали ее Черная пропаганда.

– Я слышала, вы стихи пишете, – сказала она мне. – Хорошо бы, вы описали в стихах, понимаете, героический труд наших студентов. – Если он будет героическим, – уточнил я.

черная. Ее черные волосы пахли сапогами, потому что она, как мне сказали, подкрашивала их дегтем. Лицо было сплошь покрыто черными конопущками и потому казалось невымытым. Ее имени и фамилии я уже не помню, но студенты прозвали ее «Черная пропаганда», и это прозвище к ней крепко прилипло.

Задолго до поездки кто-то что-то ей сказал про меня. Она заинтересовалась, стала меня искать и нашла в одной из пустых аудиторий, где я как раз, ползая по полу, раскладывал и клеил материалы своей газеты «Историк».

Она попросила меня оторваться и начала с комплиментов, которые в ее устах звучали фальшиво. При этом смотрела на меня маленькими мышиными черными глазками и умильно улыбалась. Губы улыбались, а глаза оставались недобрими.

– Мне о вас рассказывали много хорошего. И о том, как вы учитесь и как делаете газету. Это очень хорошо, что вы делаете газету. Это очень нужное дело. Газета, как говорил Ленин, это не только коллективный пропагандист, но и коллективный организатор. Вы с этим согласны?

Я кивнул головой, потому что не соглашаться с Лениным было неприято.

– Возможно, мы и на целине тоже позаботимся о стенной печати. Надеюсь, вас можно будет привлечь?

Я сказал:

– Можно.

– Я слышала, вы и стихи пишете и даже печатались в «Правде». Хорошо бы вы описали в стихах, понимаете, героический труд наших студентов.

– Если он будет героическим, – уточнил я.

– Вы сомневаетесь, что он будет героическим? – Глазки ее еще больше сузились.

Сомневаться в этом, пожалуй, не стоило (так же, как не соглашаться с Лениным), и я сказал:

– Что вы! Что вы! Конечно, не сомневаюсь.

Она остановила на мне свой взгляд, долго о чем-то думала и, думая, шевелила губами.

– Мне кажется, что когда вы говорите, что не сомневаетесь, вы не всерьез говорите, а иронически.

– Что вы! Что вы! – сказал я опять. – Как я могу иронизировать над святыми для всех нас понятиями?!

Она опять надолго задумалась, видимо,

пришла к выводу, что ответа на свой вопрос, иронизирую я или нет, не получит, и перешла собственно к цели своего визита.

– Так вот, хорошо... Хорошо бы, – сказала она, – написать о героическом труде наших студентов что-нибудь, понимаете, зазорное, оптимистическое, такое, чтоб, понимаете, звало наших ребят на подвиг.

Тут я ее огорчил.

– О нет, – сказал я, – так писать, как вы говорите, я не умею. Я пишу стихи грустные.

– Грустные? – удивилась она. И сделала участливое лицо. – А почему грустные?

– Какие получаются.

– Я не понимаю, что значит, какие получаются. Если вы умеете писать стихи, то вы должны писать, какие нужно. Что значит грустные стихи? Отчего грустные? Разве наша жизнь дает основания для грусти? Вы посмотрите, какими темпами развивается наша страна, какое строительство идет по всей ее территории! Как выполняются пятилетние планы! Вы читали последнее выступление Никиты Сергеевича Хрущева?..

Она мне еще долго внушала мысль, что я должен писать стихи веселые, полные исторического оптимизма и уверенности в завтрашнем дне. В конце концов я с ней согласился, но огоршил ее еще одной новостью.

– И кроме того, – сказал я и посмотрел ей в глаза, – я стихи пишу только за деньги.

На самом деле это было, конечно, просто вранье. Хотя я, бывало, получал в некоторых газетах мелкий гонорар, но это были исключения, а не правило. Тем не менее в каких-то ситуациях, когда мне не нравился заказчик, я объявлял, что стихи пишу только за деньги.

– Что?! – Она была потрясена услышанным. – Что вы сказали?!

– Поэтам за стихи обычно платят гонорар, – уточнил я, после чего она долго молчала, а потом сказала удивленно и с осуждением:

– А вы, оказывается, мер-кан-тильный.

– А вы, – спросил я, – разве бесплатно работаете?

На что она мне ответила:

– Я работаю, а не стихи сочиняю.

И вышла.

Видно, ее разочарование было так сильно, что она больше ко мне ни с какими предложениями не обращалась, и я отправился на целину в качестве рядового студента.

Продолжение следует